КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

CULTURE AND SOCIETY

УДК 304.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-8-19

Юлия Викторовна Гаврилова,
Российский экономический
университет им. Г. В. Плеханова
(г. Москва, Россия),
e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru

Юлия Александровна Горбунова,
Московский университет им. С. Ю. Витте
(г. Москва, Россия),
e-mail: gorbunova2008@yandex.ru

Практики религиозной безопасности в нормативных конфликтах в современной России

В статье анализируется система авторитарных и гуманистических практик обеспечения религиозной безопасности в современной России. Авторы акцентируют внимание на том, что в основании деструкции существующей системы религиозной безопасности находятся нормативные конфликты. Сущностные особенности нормативных конфликтов заключаются в противоречиях либо между частями отдельной системы норм и ценностей, либо между нормативно-ценностными системами различного характера, но входящими в одну доминирующую культуру. Авторы определяют, что в целях обеспечения религиозной безопасности в современной России необходима минимизация деструктивных эффектов нормативных конфликтов через снятие противоречий. В статье предлагается авторская классификация практик, позволяющих снять остроту нормативных конфликтов, в том числе в сфере сегментов «светское» – «религиозное», тем самым способствовать установлению религиозной безопасности в современной России. Основываясь на принципах антропологического подхода, конфликтного функционализма, маргинальной антропологии и принципах кейс-анализа ряда нормативных конфликтов, происходящих в современном российском обществе, авторы выявляют систему авторитарных и гуманистических практик религиозной безопасности. К авторитарному типу практик относятся стигматизация, юридическая защита чувств верующих, запреты, цензурирование, коррекция поведения в соответствии с традиционной системой норм и ценностей. К гуманистическим практикам следует относить терпимость, ненасилие, призывы к мирному разрешению конфликтов. В основании классификации практик религиозной безопасности лежит трактовка понятия «норма», представленная двумя парадигмами: классической (Аристотель, Фома Аквинский, Г. Гегель и др.) и неклассической (З. Фрейд, Ф. Ницше, М. Фуко). Авторы приходят к выводу, что в современной России активно применяются все виды практик религиозной безопасности. Подробно рассматривается роль РПЦ в авторитарных и гуманистических практиках обеспечения религиозной безопасности.

Ключевые слова: религиозная безопасность, авторитарные практики, гуманистические практики, религии, религиозное сознание, нормативные конфликты, норма

© Гаврилова Ю. В., Горбунова Ю. А., 2020

Yulia V. Gavrilova,
Plekhanov Russian University of Economics
(Moscow, Russia),
e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru

Yulia A. Gorbunova,
Moscow Witte University
(Moscow, Russia),
e-mail: gorbunovaua2008@yandex.ru

Religious Safety Practices in Normative Conflicts in Modern Russia

The paper deals with the system of authoritarian and humanistic religious safety practices in modern Russia. The authors focus on the fact that normative conflicts are the base of the destruction of the present religious safety system. The essential features of normative conflicts consist in the contradictions between the parts of a separate system of norms and values, or between normative and value systems of different nature, which are included in one dominant culture. The authors claim that it is necessary to minimize destructive effects of normative conflicts through the removal of contradictions in order to ensure religious safety in modern Russia. The authors suggest the classification of practices that make it possible to relieve the normative conflicts, including those in the "secular" – "religious" segments, and thereby facilitate to the establishment of religious safety in modern Russia. Based on the principles of an anthropological approach, conflict functionalism, marginal anthropology and the principles of case analysis of a number of normative conflicts taking place in modern Russian society, the authors identify a system of authoritarian and humanistic practices of religious safety. The authoritarian type of practices include stigmatization, legal protection of the feelings of believers, taboo, censure, correction of behavior in accordance with the traditional system of norms and values. The humanistic practices include tolerance, non-violence, calls for a peaceful resolution of conflicts. The classification of religious safety practices is based on the interpretation of the concept of "norm", presented by classical (Aristotle, Thomas Aquinas, G. Hegel and others) and non-classical (Z. Freud, F. Nietzsche, M. Foucault) paradigms. The authors conclude that both types of religious safety practices are actively realized in modern Russia. The role of the Russian Orthodox Church in authoritarian and humanistic practices of ensuring religious safety is considered in detail.

Keywords: religious safety, authoritarian practices, humanistic practices, religions, religious consciousness, normative conflicts, norm

Введение. Современное общество характеризуется наличием большого числа разнородных сообществ и социальных групп со своей системой ценностей, мировоззренческих ориентиров и норм. В рамках конкретного общества такое многообразие нормативных систем вызывает обострение противоречий между индивидами и социальными группами, приводя к противостояниям, столкновениям, войнам на почве несоответствия групповых культурных норм. Особо непримиримые позиции в таких конфликтах занимают приверженцы систем норм и ценностей религиозного и светского характера, что актуализирует задачу обеспечения религиозной безопасности в качестве одного из аспектов национальной безопасности.

В современном российском обществе Русская православная церковь становится всё более значимым институтом, регулирующим отношения в духовной сфере, выступая, в том числе, в качестве субъекта конфликтов, основой возникновения которых являются противоречия магистрального и маргинального, традиционного и нетрадиционного в интерпретации норм и

ценностей. В условиях десекуляризации и политизации духовной сферы ценностный релятивизм, подвижность нормы и даже свобода ценностного выбора всё чаще рассматриваются религиозным сознанием как источник конфликтогенного поведения. Такие нормативные конфликты, как «скверный» конфликт в Екатеринбурге, скандал, связанный с возведением нового храма в Красноярске, протесты во время выборов в Московскую городскую думу, противостояние православных активистов и защитников художественных произведений («супрематического креста» Покраса Лампаса, оперы «Тангейзер», фильма «Матильда» и т. д.), судебные процессы над авторами мемов на религиозную тематику (Барнаул, М. Мотузная, Д. Маркин), движение феминизма, борьба за права сексуальных меньшинств и т. д., актуализируют проблемы свободы (выбора, творчества, слова, совести) и справедливости (социально-экономической, политической, правовой), границ нормального и ненормального и обеспечения религиозной безопасности. Религиозная элита и религиозные активисты зачастую создают подобные конфлик-

ты, либо вовлекаются в них в качестве активной «группы поддержки» какой-либо из сторон, предлагая собственный вариант оценки событий по шкале «норма – девиация», реализуя определённую стратегию и тактику разрешения ценностных противоречий, стремясь сохранить существующий нормативный порядок.

Для отечественного научного дискурса характерны фрагментарные представления о религиозной безопасности. Обеспечение религиозной безопасности рассматривается российскими исследователями преимущественно в аспектах противодействия политико-религиозному экстремизму и терроризму как типам девиантного поведения [22], снятия межконфессиональной напряжённости [6], функционирования религиозного синкретизма в трансграничных регионах [18], недопущения деструктивного влияния нетрадиционных религиозных движений [9] и дискриминации, ограничений религиозной свободы [10].

Зарубежные исследования религиозной безопасности и путей её обеспечения также не лишены недостатков. В исследованиях наблюдается перекося в сторону анализа исламского экстремизма и терроризма и методов защиты от них: проводится статистическое измерение и прогнозирование распространения «исламской угрозы» [17], анализируются факторы возникновения религиозного фанатизма, пути распространения исламского фундаментализма и специфика антимусульманского законодательства как механизма обеспечения религиозной безопасности [19]. Некоторые зарубежные исследователи объясняют возникновение религиозно-политических конфликтов несоответствием нормативно-ценностных систем их участникам. Однако основное внимание уделяется, прежде всего, анализу взаимодействия юридического и религиозного начал в содержании исламской нормативно-правовой системы [20]. Террористические акты, организованные представителями исламских неортодоксальных организаций, миграционные потоки представителей исламской культуры в США и Европу, опасения геополитических трансформаций объясняют особый интерес зарубежных исследователей к исламскому миру. В то время как для отечественных исследователей актуализируется проблема сохранения национального единства путём обеспечения религиозной безопасности.

Согласно исследованию Pew Research Center, Россия относится к группе стран с низким уровнем религиозной безопасности, что в течение последних 10–15 лет проявляется в терактах, вандализме, дискриминации религиозных меньшинств, предоставлении Русской православной церкви определённых привилегий [16]. В этих условиях ведущими практиками обеспечения религиозной безопасности становятся, с одной стороны, гражданское образование, патриотическое и духовно-нравственное воспитание как механизм ценностной идентификации, а с другой – социальный контроль отклонения от норм, в том числе правовое санкционирование.

Вместе с тем такой аспект религиозной безопасности, как минимизация негативных эффектов нормативных конфликтов, в основе которых лежат противоречия нравственных, эстетических ценностей и правовых норм, находится на периферии внимания исследователей. Традиционно безопасность общества связывалась с сознательным и целенаправленным соблюдением большинством общепринятых норм, предсказуемостью поведения большинства [12, с. 186]. Однако в условиях маргинализации норм, признания функциональности нормативных конфликтов (с точки зрения отрицания культурных стереотипов и обновления нормативного порядка) концепция безопасности, в том числе религиозной, требует своего переосмысления, прежде всего, в части исследования системы практик религиозной безопасности.

Методология и методы исследования. В качестве теоретико-методологической базы исследования выступает антропологический подход (Б. В. Марков, А. А. Попов, С. А. Смирнов, Г. Л. Тульчинский, С. С. Хоружий и др.), позволяющий рассматривать религиозную безопасность не только как концепцию, но и как практикование. Опираясь на принципы конфликтного функционализма (Л. Козер) и маргинальной антропологии (С. П. Гурин), мы полагаем, что проблема религиозной безопасности нуждается в дополнительном философском исследовании с учётом демаркации нормального и ненормального, оценки функциональности и дисфункциональности нормативных конфликтов.

Под практиками религиозной безопасности мы понимаем сложившиеся (как на уровне трендов, так и *case case*) способы создания условий, обеспечивающих ста-

бильность и сохранение религиозной системы в рамках определённой парадигмы в понимании нормы. С позиции антиредукционизма предлагается отказаться от сведения маргинальности и релятивности норм к негативному и деструктивному, к угрозе безопасности, а практик религиозной безопасности – к нейтрализации таких угроз.

Материалом для анализа выступили отдельные кейсы, описывающие нормативные конфликты в современной России, что соответствует методологии качественного философско-конфликтологического исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. В основании нарушения религиозной безопасности находятся нормативные конфликты, которые являются результатом противоречий между различными частями единой нормативной системы, либо между различными нормативно-ценностными системами одной доминирующей культуры. В целях снятия противоречий и минимизации конфликтогенных факторов применяются практики религиозной безопасности различного характера. В настоящее время в соответствии с существующими парадигмами трактовки понятия «норма» выстраиваются противоположные практики религиозной безопасности.

Классическая парадигма в понимании нормы и авторитарные практики религиозной безопасности. Классические представления о норме образуются путём отвлечения от конкретного, живого человека, основываются на исследовании «человека вообще», содержании общественного, либо группового сознания, путём абстрагирования от спектра индивидуализаций. Идея общего блага и неконфликтогенного социального порядка также является результатом такого абстрагирования. Как отмечает отечественный философ С. П. Гурин, «в классических учениях о человеке норма определялась различными способами: как биологически оптимальное (здоровье), как психологически приемлемое, как рациональное (разум), как нравственно достойное (добро) или как эстетически привлекательное (красота) <...> норма всегда определялась через должное» [5]. В связи с этим, религиозное сознание как на концептуальном, так и обыденном уровнях, с его чётко выстроенной, жёстко определённой нормативно-ценностной системой (иудейский традиционный закон – Тора, законы шариата и нормы исламского

права, десять заповедей Христа) вписывается в классическую парадигму понимания нормы. Любое отклонение человека от религиозной нормы, либо вовсе её несоблюдение в силу принадлежности к иной нормативно-ценностной системе даёт основание сообществу верующих определять поведение человека в качестве неугодного, враждебного, неверного, а его самого отстранить, отлучить от религиозного сообщества.

Для классической парадигмы (Аристотель, Сенека, Августин, Фома Аквинский, И. Кант, Г. Гегель) характерно противопоставление нравственной нормы и естественного стремления человека к удовольствию, оппозиция низменного и возвышенного, добродетели и порока, долга и склонности, культурного и природного в человеке. Норма в рамках данной парадигмы понимается как умеренность, золотая середина, а безопасное поведение – как самопринуждение, преодоление человеком собственной злой природы, подавление страстей. Человек здесь – «сам себе сторожевой пёс» [13], а быть нормальным – значит постоянно бороться с самим собой. В религиозном сознании это представлено борьбой духа и тела, целым комплексом механизмов победы духа над плотью, включающих практики поста, многочасовых молитв, аскетизма, ритуалы самобичевания, позволяющие подавлять естественные потребности организма и направлять человека к соблюдению принятых в той или иной религии норм.

Кроме того, классическая парадигма реализуется на уровне социальной практики, когда нормальное рассматривается обществом как безопасное, нормативные конфликты оцениваются как деструкции, а сама социальная система устроена так, что стремится исключить любое отклонение от нормы, чтобы поддерживать и сохранять порядок и целостность. Так, по мысли М. Фуко, «...нормализующая власть становится одной из основных функций нашего общества. Судьи нормальности окружают нас со всех сторон. Мы живём в обществе учителя-судьи, врача-судьи, воспитателя-судьи и «социального работника»-судьи; именно на них основывается повсеместное господство нормативного; каждый индивид, где бы он ни находился, подчиняет ему своё тело, жесты, поведение, поступки, способности и успехи» [14, с. 401]. Главным судьёй поведения верующих является Бог (боги и духи), однако в

действительности религиозная элита берёт на себя функции судьи, зачастую забывая о заповедях и предписаниях священных книг, внося в них собственное толкование, либо преследуя корыстные цели.

Таким образом, данной парадигме соответствуют авторитарные практики религиозной безопасности, которые включают в себя:

1) *стигматизацию (нарушение идентификации религиозных групп, сообществ, индивидов, выражающееся в публичном «навешивании» на них ярлыков, наделяемых в общественном дискурсе негативными коннотациями)*. Так, например, губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев назвал противников строительства храма в сквере Екатеринбурга «общественными террористами», а фраза Владимира Соловьева «Екатеринбург – город бесов» стала мемом.

Как отмечает российский политолог Федор Крашенинников, «согласно данным МВД, в 2019 году богослужения во время таких важных православных праздников как Крещение и Рождество посетили от 2,4 до 2,6 млн россиян, что составляет менее двух процентов населения страны. Между тем власти ведут себя так, будто активно практикующие православные составляют большинство, а потому позицию инаковерующих и равнодушных к религии граждан России можно игнорировать вовсе или объявлять антипатриотичной и чуть ли не преступной»¹.

Ещё одним примером категоризации людей и определения набора качеств, которые считаются нормальными и естественными для каждой из категорий, является тезис протоиерея Димитрия Смирнова о том, что «женский ум слабее мужского», защищаемый священнослужителем в споре с феминистской Татьяной Никоновой.

Такие примеры объясняются тем, что стигматизация изначально заложена в нормативно-ценностных системах религий, рекомендующих и поощряющих отречься от неверных, предавать их неугодные отступнические дела всеобщей огласке и навешивать на них ярлыки «отступника», «приспешника дьявола», «антихриста». Так, например, в первом соборном послании святого апостола Иоанна Богослова в главе 3 стихе 8 написано: «Кто делает грех,

тот от дьявола, потому что сначала дьявол согрешил...» [1, с. 181–182], далее, в главе 4 стихе 3, читаем: «А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста...» [Там же, с. 182]. К сожалению, часто возникают ситуации, при которых религиозные группы либо отдельные верующие без каких-либо действий/стимулов подпадают под стигматизацию. Особенно это касается новых религиозных движений и родовых шаманских культов, которых православная элита, а вслед за ней и сообщество православных верующих именуют язычниками и идолопоклонниками.

Практики стигматизации негативно сказываются на психическом здоровье людей. Так, зарубежные исследователи Г. Мильштейн, А. Маньерр и А. М. Яли исследуют особенности психических расстройств верующих, оказавшихся отвергнутыми теми или иными сообществами и стигматизированными с их стороны. В своих работах учёные советуют психологам и психиатрам учитывать религиозные особенности в процессе оказания медицинской помощи верующим [21]. Вместе с тем исследователи обращаются к священнослужителям и представителям религиозного сообщества не брать на себя функции судей и докторов;

2) *практику юридической защиты чувств верующих*. Законодательство, регулирующее деятельность религиозных организаций в обществе, является неотъемлемым компонентом нормативно-правовой системы многих светских государств. Регламентация взаимодействий светского и религиозного сегментов общества, а также внекультовой деятельности религиозных организаций отличается особой значимостью, прежде всего, для поликонфессиональных обществ, так как призвана сохранять стабильность пространства сосуществования множества конфессий с их специфическими системами норм и ценностей. На самом деле во многих странах принимаются и функционируют законы, противоречащие закреплённым в конституциях фундаментальным принципам свободы совести и свободы вероисповедания. Как, в частности, антиисламский закон в Словакии, закон о предоставлении гражданства иммигрантам немусульманам в Индии, законодательство Франции, согласно которому государство владеет всеми католическими постройками до 1905 г. и полностью финансирует их содержание, в

¹ Комментарий: россияне раздражены принудительная клерикализация. – URL: <https://p.dw.com/p/3GgzU> (дата обращения: 02.01.2020). – Текст: электронный.

то время как здания других религий не подлежат государственной охране, законодательство ряда европейских стран и России, предусматривающее наказание за оскорбление чувств верующих, что дискриминирует атеистов.

В России санкции, предусмотренные ст. 148 УК РФ, применяются по отношению к авторам интернет-мемов на религиозную тематику, а также к тем, кто делает репосты и ставит «лайки» таким материалам, как, например, в деле жителей Барнаула Марии Мотузной, Даниила Маркина. При этом экспертиза данных материалов носит преимущественно ангажированный характер, а однозначной правовой оценки подобных мемов не существует. Отечественный конфликтолог Л. Н. Цой подчёркивает и субъективность оскорбления, зависимость данного чувства от интерпретации, связывает чувство оскорблённого достоинства с «ловушкой отождествления своих представлений и языка» [15, с. 212].

Стоит отметить, что от подобного рода законодательства страдают не только представители атеистического мировоззрения, но и адепты новых религиозных движений и культов, в том числе синкретического характера. Так, по решению Верховного Суда РФ в 2016 г. была запрещена деятельность «Свидетелей Иеговы», ликвидированы религиозная организация «Союз сотворцев святой Руси» и Саентологическая церковь Москвы, признанные в качестве деструктивных религиозных организаций. Ситуация осложняется тем, что в России отсутствует юридическое определение понятия «деструктивная религиозная организация (секта)», что позволяет представителям РПЦ считать и публично объявлять приверженцев иного, неправославного вероисповедания сектантами. Под определение «сектант» РПЦ подводит не только представителей протестантских церквей и новых религиозных движений, но и участников так называемых коммерческих культов – финансовых пирамид и сетевого маркетинга, по существу своему не имеющих никакого отношения к определённому вероисповеданию. Полный список коммерческих культов приведён на православном портале «К истине», он составляет более 200 наименований организации¹. Тем самым формируется общественное мнение россиян, относящих себя

к православию, но возможно, даже не исповедующих православие. Общество, вслед за представителями РПЦ начинает считать верующих иных религий сектантами. Это происходит потому, что многие россияне доверяют мнению РПЦ, считая православие исконно русским, традиционным вероисповеданием;

3) *практику запретов, цензурирования, коррекции поведения в соответствии с нормативным проектом и борьбы за сохранение традиционных ценностей*. Традиционная для России религиозная нормативно-ценностная система представлена православным вероучением, отличающимся консервативностью. Несмотря на то, что летом 2019 г. Святейший Патриарх Кирилл обратился к участникам богослужения со словами: «Мы должны научиться интерпретировать нашу традицию таким образом, чтобы она становилась понятной для современного человека»², – православная церковь продолжает занимать непримиримую позицию по отношению к некоторым реалиям современного общества.

Так, например, Русская православная церковь выступает против операций по коррекции пола. По словам митрополита Волоколамского Иллариона, занимающего пост главы отдела внешних церковных связей Московского патриархата, поддержка родителями своих трансгендерных детей должна рассматриваться как уголовное преступление. Согласно предложениям РПЦ, необходимо запретить усыновление детей представителями ЛГБТ-сообщества. В РПЦ заявили и о необходимости воцерковлять гомосексуалов для «исправления ориентации».

Подобные авторитарные практики религиозной безопасности реализуются и в конфликтах религии и искусства. В частности, опера Р. Вагнера «Тайнгейзер» в постановке новосибирского театра была раскритикована представителями РПЦ, которые призывали православных жителей Новосибирска выйти на митинг (молитвенное стояние), затем последовали увольнение руководителя театра и требования Министерства культуры внести сюжетные изменения. Депутат Государственной Думы Наталья Поклонская, заботясь о защите чувств православных верующих, направляла депутатский запрос генпрокурору России Юрию Чайке с просьбой проверить фильм

¹ Коммерческие культы и организации в России, чьи продажи построены на сетевом маркетинге. – URL: http://www.k-istine.ru/mlm/mlm_list-rf.htm (дата обращения: 02.01.2020). – Текст: электронный.

² Официальный сайт Московского патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5466805.html> (дата обращения: 20.01.2020). – Текст: электронный.

«Матильда» Алексея Учителя на предмет оскорбления религиозных чувств верующих. Одним из основных требований Поклонской был запрет на показ кинофильма. В Екатеринбурге работу Покраса Лампаса (супрематический крест) залили гудроном, после, против восстановления работы выступили «православные активисты».

В целом авторитарные практики религиозной безопасности характеризуются приоритетом национальной безопасности над безопасностью личности, представлением о том, что некий авторитет, стоящий над личностью, является источником норм и гарантом их соблюдения. Такого рода механизмы обеспечения религиозной безопасности опираются на традиционные, консервативные системы норм и ценностей. Их сущность сама конфликтна, так как основывается на противопоставлении «свой – хороший, а чужой – плохой».

Неклассическая парадигма в понимании нормы и гуманистические практики религиозной безопасности.

Неклассическая парадигма опирается на индивидуалистскую мораль, релятивизм норм (в противоположность моральному абсолютизму), условность границ между нормальным и ненормальным (З. Фрейд), субъективизм морального истолкования феноменов и понимание умеренности как посредственности (Ф. Ницше). Неклассическая антропология выступает против универсализации норм и ценностей. Таким образом, нормы, согласно Ф. Ницше, «обращаются ко "всем" ...обобщают там, где нельзя обобщать; все они изрекают безусловное и считают себя безусловными» [8, с. 200]. В свою очередь постмодернистская антропология отрицает бинарную оппозицию нормы и отклонения, признавая ценность инаковости, плюральности. Актуальность этого очевидна в современном полирелигиозном обществе. Различные религии, прежде всего, возрождающиеся автохтонные верования некоторых народностей и новые религиозные учения, снимают с человека необходимость следования установленному свыше единому моральному закону, обеспечивают полную свободу индивиду в выборе поступков, указывают на отсутствие предопределённости человеческого и общественного бытия, на индивидуалистское толкование морального и аморального. Это освобождает религиозное сознание от доктринальных установок, выводит его на новый уровень независимо-

сти личности от трансцендентного. «Личная религиозность» позволяет индивидам быть, прежде всего, одухотворёнными, но не слишком религиозными, полностью свободными в выборе жизненного пути.

Для неклассической парадигмы в понимании нормы характерна также критика циничного подхода к оценке природы человека, в рамках которого нравственность, культура, добродетель рассматривается как «тонкий налёт лоска поверх кипящих в человеке отвратительных склонностей» [2, с. 53]. Нравственные нормы встроены в человеческую природу. Ненормальное не отождествляется более с природным, нечеловеческим, животным. Неклассическая антропология ориентирует человека не на вытеснение человеческого зла (что поощряется авторитарным подходом), а на плодотворное использование присущих ему первичных потенциальностей [13].

В рамках данной парадигмы безопасность связывается с гарантией свободы выбора личностью собственного жизненного пути, с возможностью противостоять тирании общественного мнения и правовому принуждению. Такая парадигма соотносится с основными идеями философии либерализма. Как отмечает Дж. Милль, «власть общества над индивидуумом не должна простирается далее того, насколько действия индивидуума касаются других людей; в тех же своих действиях, которые касаются только его самого, индивидуум должен быть абсолютно независим над самим собою – над своим телом и духом он неограниченный господин» [7]. В данном контексте возможна интерпретация глубинных оснований традиционных религий, которые содержат указания на свободу выбора человеком жить и поступать по воли Божьей либо оставаться во грехе. Многие религиозные деятели указывают на это. Однако такая интерпретация ценности индивида и его свободного выбора не совсем верна. Следует отметить, что в традиционных религиях ценность личности, её становление и развитие – это не самореализация, а отказ от «себя» в пользу служения Богу и другим людям. Понимание свободы выбора в христианстве многогранно и принципиально отличается от светского понимания свободы и власти индивида над собственной жизнью. Священник Григорий Григорьев пишет: «Человеческая свобода выбора, в отличие от абсолютной и безусловной Божественной свободы, ограничена, несовер-

шенна, “обусловлена” как Божественным замыслом о человеке, предполагающим его историческое развитие – путь к Богу, так и греховными страстями человека» [3, с. 22]. Таким образом, традиционное религиозное сознание понимает поведенческую свободу индивида весьма условно, подчиняя её Божественному закону. Вместе с тем христианский гуманизм призывает к мирному сосуществованию верующих и неверующих. Гуманистические христианские ценности (любовь к ближнему, сострадание, милосердие и др.), ориентированные на сохранение религиозной безопасности, не утратили своего смысла и в современном обществе.

В настоящее время в России наряду с авторитарными практиками религиозной безопасности активно применяются и гуманистические практики, в реализации которых задействованы как представители различных вероисповеданий, приверженцы религиозно-эзотерических учений, так и представители светского сегмента российского общества.

Гуманистическими практиками религиозной безопасности являются:

1) *практики терпимости – терпимое отношение к наличию многообразия форм социального поведения.* Практики терпимости необходимо рассматривать в индивидуально-психологическом и социально ориентированном аспектах. Грань между этими аспектами тонкая и весьма условная.

Индивидуально-психологическое содержание терпимости к инаковости характеризуется психологическими ощущениями индивидов, возникающими на основе психических процессов, психических состояний личности. Это, прежде всего, психологическая подавленность индивида вследствие ощущения жалости, сопереживания, ощущения причастности к переживаниям другого человека. Эмпатические переживания имеют в своём основании естественные предпосылки – инстинкт заботы о других и инстинкт взаимопомощи выполняют важнейшие функции развития и сохранения общества. Н. Д. Субботина справедливо отмечает: «Общество не могло бы существовать при отсутствии у людей качеств, противоположных агрессии и эгоизму, – альтруизма, эмпатии и инстинктивной заботы о близких. Эти черты так же, как и агрессия, имеют естественную предпосылку» [11, с. 58]. Поэтому минимизация опасности нормативных конфликтов в обществе иногда осуществ-

ляется за счёт неосознанного стремления индивидов защитить другого человека, по крайней мере, не причинять ему вреда, что в определённой степени стабилизирует социум.

Индивидуально-психологическим содержанием практик терпимости можно в определённой степени объяснить уход от конфликта, гашение конфликта со стороны представителей разных нормативно-ценностных систем: представителей различных религий либо верующих и неверующих.

Социальный уровень практик терпимости представлен религиозной толерантностью, во многом базирующейся на морально-правовом обеспечении религиозной безопасности. Религиозная толерантность предполагает терпимые взаимоотношения между верующими различных конфессий, терпимое отношение к представителям иных религий в ситуациях отсутствия контактов между верующими различных религиозных традиций, признание их права на религиозную деятельность иного характера. Однако о принятии нормативной системы другой религии речи не ведётся. В отличие от светского понимания толерантности, которая допускает принятие «чужих» ценностей и мировоззренческих ориентиров ввиду относительности любых идеалов и истин, религиозная толерантность, по справедливому замечанию профессора А. Ю. Григоренко, «означает лишь отсутствие высказываний или действий, которые могли бы быть расценены как уничижительные или оскорбительные для представителей другой религиозной традиции и были бы направлены на ущемление прав и свободы вероисповедания и отправления культа (заккрытие храмов, запрет на миссионерскую деятельность и т. д.)» [4]. Важным моментом является то, что религиозная толерантность нашла своё закрепление в юридических нормах («Декларация о религиозной свободе», 1965 г.; «Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений», 1981 г. и др.).

В современной России представители традиционных конфессий признают необходимость применения практик терпимости к инаковерующим. РПЦ играет в этом процессе не последнюю роль. Так, Святейший Патриарх Кирилл обратился к населению России и всего мира с просьбой сделать религиозную толерантность важнейшей ценностью современного бытия, прививать

её с детства. В своём выступлении Патриарх отметил, что «греховная гордыня может облекаться и в личину религиозности, когда человек считает себя верующим настолько, насколько глубоко и фанатично ненавидит тех, кто придерживается иных взглядов. Рост религиозного экстремизма является оборотной стороной радикального секуляризма – они едины в своих подходах к инакомыслию и в попытках изменить окружающую действительность по примитивной схеме «свой – чужой»¹. Это подтверждает стремление духовной элиты традиционной для России религии обеспечить мирное сосуществование представителей различных конфессий, установить между ними терпимые взаимоотношения на основе взаимопонимания.

Призывам духовного лидера старается следовать паства. Так, в своём выступлении на казачьем кругу в городе Калач-на-Дону Волгоградской области протоиерей Дмитрий Климов, рассуждая о росте агрессии и ненависти в российском обществе, призывал к терпимости и недопущению конфликтов, раскалывающих общество;

2) *практики призыва к мирному решению конфликтов*. Призыв к прекращению конфликтов между враждующими сторонами, к устранению разногласий между различными мировоззренческими системами является важнейшим элементом миротворческого служения в традиционных религиях. В христианстве на необходимость миротворчества указывает Библия: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» [1, с. 89]. Сами же факты конфликтов рассматриваются как греховное поведение. Однако в одном из интервью священнослужитель протоиерей Дмитрий Климов оценил нормативные конфликты в России как конструктивные, сигнализирующие о проблемах общества, при этом он раскритиковал распространённые в обществе представления об участниках протестов как о предателях и иностранных агентах.

В подавляющем большинстве случаев конфликтов, возникающих на основе противоречий между светской и религиозной нормативно-ценностными системами, РПЦ предпочитает отмалчиваться. Лишь

некоторые представители православной элиты открыто комментируют конфликтные ситуации, призывая к миру. Так, Андрей Кураев, комментируя конфликт между сторонниками и противниками строительства храма в сквере в Екатеринбурге, в социальных сетях призвал муниципальные власти перенести стройку из центра в тот район города, где храм действительно нужен, чтобы улучшить жизнь людей.

Во время протестов в Москве, связанных с выборами в Московскую городскую думу, священнослужители Храма Космы и Дамиана в Шубине пустили протестующих, вытесняемых с улиц полицией и Росгвардией в храм, и призвали их вместе помолиться о мире. По словам иеромонаха Иоанна, церковь принимает с любовью каждого человека, пришедшего в храм, вне зависимости от его политических взглядов. Позже 40 священников Русской православной церкви написали открытое письмо в поддержку фигурантов «московского дела», указывая на несправедливость приговоров.

В целом специфика гуманистических практик религиозной безопасности заключается в их ненасильственном характере, признании благополучия личности единственным критерием нормативной оценки.

Заключение. В XXI в. мир остаётся религиозным, более того, возрастает количество новых религиозных движений, появляются религиозно-эзотерические учения, нацеленные на личностную, индивидуалистскую одухотворённость. Это неизбежно влечёт формирование новых нормативно-ценностных систем специфического характера, обостряя проблему противостояния и соперничества их приверженцев. В подобных условиях религиозный сегмент социума всё чаще оказывается втянутым в череду нормативных конфликтов. Такого рода конфликты отличаются цикличностью (затишают и вспыхивают вновь), им свойственен затяжной характер, они трудно поддаются урегулированию. Для минимизации нормативных конфликтов в современной российской практике применяются авторитарные и гуманистические методы обеспечения религиозной безопасности.

Практики авторитарного характера возникают в условиях господства классической парадигмы понимания «нормы». Они характерны для авторитарного звена управления (органов государственной власти, религиозных клерков) и носителей традиционного религиозного сознания. Ре-

¹ Патриарх Кирилл. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с участниками конференции «Свобода вероисповедания: проблема дискриминации и преследования христиан». – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/1794559.html> (дата обращения: 02.01.2020). – Текст: электронный.

ализация данного вида практик религиозной безопасности неоднозначна и зачастую приводит к обострению конфликтов.

Гуманистические практики религиозной безопасности возникают в русле неклассического толкования нормы. Преимущественно они реализуются носителями религиозного сознания «нового типа» с достаточно «подвижными границами» толкования

нормативности той или иной системы. Гуманистическая сущность практик религиозной безопасности заключается в провозглашении свободомыслия, в уважении индивидуальности при выборе норм и правил.

В целом авторитарные и гуманистические практики описывают радикализм и умеренность в процессе обеспечения религиозной безопасности.

Список литературы

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. М.: Российское библейское общество, 2005. 1217 с.
2. Вааль де Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов: пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 376 с.
3. Григорьев Г. Свобода: дар Божий и путь жизненного выбора человека // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 2. С. 18–28.
4. Григоренко А. Ю. Религия и толерантность. Специфика религиозной толерантности. Текст: электронный // РОНО: электрон. журн. 2014. № 23. URL: https://www.sites.google.com/a/shko.la/ejrno_1/vypuski-zurnala/vypusk-23-maj-2014/tema-nomera-no23-osnovy-religioznyh-kultur-i-svetskoj-etiki-kak-novyj-resurs-duhovno-nravstvennogo-razvitiya-i-vospitania-ucasihsa/religia-i-tolerantnost-specifika-religioznoj-tolerantnosti (дата обращения: 02.01.2020).
5. Гуринов С. П. Маргинальная антропология. Саратов: Изд. центр СГСЭУ, 2000. 202 с. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya#ss-1-ponyatiya-granicy-i-marginalnosti> (дата обращения: 02.01.2010). Текст: электронный.
6. Жуков А. В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12. С. 66–71.
7. Милль Дж. О свободе. URL: https://www.royallib.com/book/mill_dgon/o_svobode.html (дата обращения: 20.01.2020). Текст: электронный.
8. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Харьков: Фолио, 2009. 446 с.
9. Салихов Н. Р., Мустаев Р. Ш., Мисбахов А. А. Религиозная безопасность // Вестник Научного центра безопасности жизнедеятельности. 2012. № 3. С. 31–35.
10. Самыгин С. И. Религиозная безопасность общества в контексте обеспечения религиозной свободы и противодействия религиозному экстремизму // Гуманитарий юга России. 2017. Т. 6, № 4. С. 167–179. DOI: 10.23683/2227-8656.2017.4.16.
11. Субботина Н. Д. Естественные и социальные составляющие эмпатии и альтруизма // Гуманитарный вектор. 2011. № 2. С. 58–66.
12. Флиер А. Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 181–187.
13. Фромм Э. Человек для себя / пер. с англ. и послесл. Л. А. Чернышевой. Минск: Коллегиум, 1992. 253 с.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
15. Цой Л. Н. Организационный конфликт-менеджмент: 111 вопросов, 111 ответов. М.: Книжный мир, 2007. 352 с.
16. A closer look at changing restrictions on religion. URL: <https://www.pewforum.org/essay/a-closer-look-at-changing-restrictions-on-religion/> (дата обращения: 02.01.2020). Текст: электронный.
17. Beller J., Kröger C. Religiosity, religious fundamentalism, and perceived threat as predictors of Muslim support for extremist violence // Psychology of Religion and Spirituality. 2018. No. 10. Pp. 345–355. DOI: [org/10.1037/rel0000138](https://doi.org/10.1037/rel0000138).
18. Gavrilova Y., Shchetkina I., Liga M., Gordeeva N. Religious syncretism as a sociocultural factor of social security in cross-border regions // Mental Health, Religion and Culture. 2018. No. 3. Pp. 231–245.
19. Green T. H. The fear of Islam: an introduction to Islamophobia in the West. Minneapolis: Fortress Press, 2019. 363 p.
20. Heene P. S., Klocek J. Taming the Gods: How Religious Conflict Shapes State Repression // Journal of Conflict Resolution. 2019. Vol. 63, Is. 1. DOI: [org/10.1177/0022002717728104](https://doi.org/10.1177/0022002717728104).
21. Milstein G., Manierre A., Yali, A. M. Psychological care for persons of diverse religions: A collaborative continuum // Professional Psychology: Research and Practice. 2010. No. 41. Pp. 371–381. DOI: [org/10.1037/a0021074](https://doi.org/10.1037/a0021074).

22. Mkrtumova I., Dosanova A., Karabulatova I., Nifontov V. The use of communication technologies to oppose political-religious terrorism as an ethnosocial deviation in the contemporary information-digital society // Central Asia and the Caucasus. 2016. Vol. 17, Is. 2. Pp. 54–61.

Статья поступила в редакцию 30.01.2020; принята к публикации 28.02.2020

Сведения об авторах

Гаврилова Юлия Викторовна, кандидат философских наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова; 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер. 36; e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8193-6622>.

Горбунова Юлия Александровна, кандидат философских наук, Московский университет им. С. Ю. Витте; 115432, Россия, г. Москва, 2-й Кожуховский проезд, 12, стр. 1; e-mail: gorbunova2008@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4333-1945>.

Вклад авторов в статью

Ю. В. Гаврилова – основной автор, осуществляла анализ, систематизацию и оформление статьи.

Ю. А. Горбунова проводила сбор данных, анализ и систематизацию материалов исследования.

Библиографическое описание статьи

Гаврилова Ю. В., Горбунова Ю. А. Практики религиозной безопасности в нормативных конфликтах в современной России // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 8–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-8-19.

References

1. The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Canonical. M: Russian Bible Society, 2005. (In Rus.)
2. Waal de, F. The origins of morality: in search of the humanism among the primates. M: Alpina non-fiction, 2015. (In Rus.)
3. Grigoriev, I. G. Freedom: a gift from God and the path of a person's life choice. Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy, vol. 15, Issue. 2, pp. 18–28, 2014. (In Rus.)
4. Grigorenko, A. Yu. Religion and tolerance. The specificity of religious tolerance. Electronic journal «RONO», no. 23, 2014. Web. 02.01.2020. https://www.sites.google.com/a/shko.la/ejrno_1/vypuski-zurnala/vypusk-23-maj-2014/tema-nomera-no23-osnovy-religioznyh-kultur-i-svetskoj-etiki-kak-novyj-resurs-duhovno-nravstvennogo-razvitiya-i-vospitania-ucasihsa/religia-i-tolerantnost-specifika-religioznoj-tolerantnosti (In Rus.)
5. Gurin, S. P. Marginal Anthropology. Saratov: Publ. Center of SSESU, 2000. Web. 02.01.2020. <http://www.anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya#ss-1-ponyatiya-granicy-i-marginalnosti>. (In Rus.)
6. Zhukov, A. V. Religious security as a subject of scientific discourse in post-Soviet Russia. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice, no. 12, pp. 66–71, 2017. (In Rus.)
7. Mill, Dzh. About freedom. Web. 02.01.2020. https://www.royallib.com/book/mill_dgon/o_svobode.html. (In Rus.)
8. Nietzsche, F. On the other side of good and evil. Kharkov: Folio, 2009. (In Rus.)
9. Salikhov, N. R., Mustaev R.Sh., Misbakhov A. A. Religious security. Bulletin of the NCBGD, no. 3, pp. 31–35, 2012. (In Rus.)
10. Samygin, S. I. The religious security of society in the context of ensuring religious freedom and countering religious extremism. Humanitarian of the South of Russia, vol. 6, no. 4, pp. 167–179, 2017. (In Rus.)
11. Subbotina, N. D. Natural and social components of empathy and altruism. Humanitarian vector, no. 2, pp. 58–66, 2011. (In Rus.)
12. Flier, A.Ya. Culture as a factor of national safety. Modern social Sciences, no. 3, pp. 181–187, 1998. (In Rus.)
13. Fromm, E. Man for himself. Minsk: Collegium, 1992. (In Rus.)
14. Foucault, M. Oversee and punish. Birth of a prison. M: Ad Marginem, 1999. (In Rus.)
15. Tsoi, L. N. Organizational conflict management: 111 questions, 111 answers. M: Knizhnyi mir, 2007. (In Rus.)
16. A closer look at changing restrictions on religion. Web. 02.01.2020. <https://www.pewforum.org/essay/a-closer-look-at-changing-restrictions-on-religion/>. (In Engl.)

17. Beller, J., Kröger, C. Religiosity, religious fundamentalism, and perceived threat as predictors of Muslim support for extremist violence. *Psychology of Religion and Spirituality*, no. 10, pp. 345–355, 2018. DOI.org/10.1037/rel00001381. (In Engl.)

18. Gavrilova, Y., Shchetkina, I., Liga, M. Gordeeva, N. Religious syncretism as a sociocultural factor of social security in cross-border regions. *Mental Health, Religion and Culture*, vol. 21, no. 3, pp. 231–245, 2018. (In Engl.)

19. Green, T. H. The fear of Islam: an introduction to Islamophobia in the West. Minneapolis: Fortress Press, 2019. (In Engl.)

20. Heene, P. S., Klocek, J. Taming the Gods: How Religious Conflict Shapes State Repression. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 63, issue 1, 2019. DOI.org/10.1177/0022002717728104 (In Engl.)

21. Milstein, G., Manierre, A., Yali, A. M. Psychological care for persons of diverse religions: A collaborative continuum. *Professional Psychology: Research and Practice*, no. 41, pp. 371–381, 2010. DOI.org/10.1037/a0021074. (In Engl.)

22. Mkrtumova, I., Dosanova, A., Karabulatova, I., Nifontov, V. The use of communication technologies to oppose political-religious terrorism as an ethno-social deviation in the contemporary information-digital society. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 17, issue 2, pp. 54–61, 2016. (In Engl.)

Received: January 30, 2020; accepted for publication February 28, 2020

Information about authors

Gavrilova Yulia V., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics; 36, Stremyanny per., Moscow, 117997, Russia; e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8193-6622>.

Gorbunova Yulia A., Candidate of Philosophy, Moscow Witte University; 12, 2nd Kozhukhovskiy proezd, Moscow, 115432, Russia; e-mail: gorbunovaua2008@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4333-1945>.

Contribution of authors to the article

Yu. V. Gavrilova – the chief author, the organizer of the study, who formulates the concept of the article, analyzes and interprets fact, formulates conclusions.

Yu. A. Gorbunova conducted fact collection, analysis and systematization of research materials.

Reference to the article

Gavrilova Yu. V., Gorbunova Yu. A. Religious Safety Practices in Normative Conflicts in Modern Russia // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 2. PP. 8–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-8-19.